
pocket**book**

rocket**book**

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

Дневник свекрови

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии *А. Саукова*

Фото на обложке:

Jurij Krupiak / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Метлицкая, Мария.

М54 Дневник свекрови : [роман] / Мария Метлицкая. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-699-98442-8

Ваш сын, которого вы, кажется, только вчера привезли из роддома и совсем недавно отвели в первый класс, сильно изменился? Строчит эсэмэски, часами висит на телефоне, отвечает невпопад? Диагноз ясен. Вспомните анекдот: мать двадцать лет делает из сына человека, а его девушка способна за двадцать минут сделать из него идиота. Да-да, не за горами тот час, когда вы станете не просто женщиной и даже не просто женой и матерью, а — свекровью. И вам непременно надо прочитать эту книгу, потому что это отличная психотерапия и для тех, кто сделался свекровью недавно, и для тех, кто давно несет это бремя, и для тех, кто с ужасом ожидает перемен в своей жизни.

А может, вы та самая девушка, которая стала причиной превращения надежды семьи во влюбленного недоуны? Тогда эта книга и для вас — ведь каждая свекровь когда-то была невесткой. А каждая невестка — внимание! — когда-нибудь может стать свекровью.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98442-8

Я человек доброжелательный, придираюсь по пустякам точно ни к кому не буду. Правда, подлости и предательства не прощу — здесь я тверда как скала.

Подруги у меня с детства и на всю жизнь, а приятелей — вообще море. С людьми схожусь быстро и легко. Правда, потребности в новых знакомствах с годами все меньше и меньше. Что поделаешь, наверное, душевная усталость. Такое тоже бывает. Все больше хочется побыть наедине с собой. Помолчать. Почитать книжку, подумать о вечном.

У меня своя спальня, личное пространство я заслужила. Как я хочу покоя и отдыха! Но... покой, как известно... Я предупреждаю домашних, плотно закрываю дверь в свою комнату — и меня дома нет. А еще на ручку двери вешаю табличку, вынесенную из заморского отеля, «Просьба не беспокоить».

Но если честно, мои на табличку плюют. Каждые десять минут дверь в комнату открывается. Когда резко — это сын. Плавнее — муж. Он, видимо, лучше воспитан. Сын считает, что

доступ ко мне для него открыт всегда. Что поделаешь, сама виновата — так приучила. И это правда — его я готова принять и выслушать всегда. Невзирая на головную боль, интересную книгу, телефонный разговор с подругой или нежно накрывающий меня теплой волной подступающий сон.

Сын просто уверен, что он — главный человек в моей жизни. И здесь он прав. Сама это ему всегда внушала.

Раньше гостей я любила. Дом наш, несмотря на тотальный дефицит всего и вся, был радужным и хлебосольным. Из «ничего» я накрывала обильные столы. Не гнушалась самым трудоемким — холодцами, пирогами, заливным. К чаю пекла «Наполеон». В двенадцать слоев. Мама дорогая! Вспомнить страшно. Неужели я все *это* делала?

Сейчас многое изменилось. Стоять по двое суток у «мартена» нет ни желания, ни сил. По моему, в гости вообще люди ходить перестали. Проще встретиться в кафе. Деньги — те же. Зато удовольствие и свобода.

Но сегодня — не тот случай. Сегодня я должна, просто обязана, принять гостей дома. И стоять у плиты. И накрывать на стол. И общаться — даже если мне совсем неохота.

Потому что сегодня у меня необычные гости. Вернее, гости-то обычные (даже думаю, что чересчур). А вот ситуация отнюдь не рядовая.

Дело в том, что мой горячо обожаемый и единственный сын Данила собрался жениться.

В двадцать три года. Дурачок, конечно, но что поделаешь? Любовь, что называется, до гроба. Жить друг без друга не могут. Дышать не могут. Всю ночь слышу перестук эсэмэсок. Под перестук и засыпаю. К пяти утра.

У Данилы к двадцати трем годам уже довольно богатая и бурная личная жизнь — просто рано начал. Он горячо убеждает меня (и себя в том числе), что Нюся — его пара. По всем параметрам. По всем — это, конечно, очень важно. Потом, если честно, мне надоело не спать по ночам. Ждать его с гулянок. Так что в его ранней женитьбе есть, наверное, что-то положительное и для меня. Может, угомонится, с надеждой думаю я.

Да и к любви я отношусь с большим почтением. Не всем дано, между прочим.

Итак, они решили пожениться. Я предлагала горячо и, как мне кажется, убедительно, гражданский брак. Почему не попробовать для начала без материальных, так сказать, затрат?

Нюся на меня смертельно обиделась. Можно подумать, я ее оскорбила! В общем, моих вполне разумных доводов она не приняла. Дулась недели две. Отказывалась от ужина. У двери сухо прощалась. Я — и так и сяк. Честно говоря, испугалась. Портить отношения с невесткой на этой стадии рановато. Еще успею. Сын говорит, что Нюся — человек ра-

нимый и чувствительный. Правда, мне так не кажется. Но это был первый урок, преподанный мне. Я его усвоила. Я, в общем-то, из понятливых. Поняла, что приспособливаться буду я к невестке, а не она ко мне. Это дело, безусловно, усложняет. Но — как есть, так есть. Ради сына я и не на такое способна.

Свадьба так свадьба. Расходы, в конце концов, потянем и переживем. Ну, не поедем в этом году на море. На мое обожаемое море... Встречу с которым я жду весь холодный и тяжелый год. Которое дает мне силы как-то проползти год следующий.

Ладно, хватит капризничать. Хотя что может быть нелепей свадьбы в ресторане? Со всеми ее обязательными атрибутами. Непременно дурацкими и крайне затратными. А Нюсе, я поняла, именно все это и нужно. Белые скатерти с голубыми бантами. Придурок ведущий, триндящий, как попугай, заученными фразами. Платье в пол. Фата. Букет невесты. Белые голуби и черный лимузин.

Всем девочкам хочется этого? Неправда, не всем. Мне, например, никогда не хотелось. Я всегда считала, что это глупо и пошло. В мое время еще прикрепляли пупса на капот машины новобрачных. Сейчас не лучше — машину украшают как катафалк — искусственными цветами.

Данька, кстати, тоже всегда над этим посмеивался. Говорил, что у него *так* никогда не бу-

дет. Будет тихий семейный ужин в приличном, но не пафосном ресторане и свадебное путешествие в Венецию, например.

Но ночная кукушка, как известно, дневную перекукует. Я — дневная. На мое мнение все забили. Но что я поняла точно — Данька действительно влюблен. Как бы иначе он согласился на весь этот очевидный бред и пошлую белиберду?

И вот сегодня настал час «икс». К нам едут Нюсины родители. Для знакомства и обсуждения текущих и предстоящих вопросов и расходов. Знакомство с Факерами, одним словом.

Я вяло предложила встретиться в ресторане. Данька развопился и сказал, что мы обязаны сватов принять. Хорошо у этой Нюси получается компостировать моему сыну мозги. Снимаю шляпу. И кстати вспоминаю анекдот: «Мать двадцать лет делает из сына человека, а его девушка способна за двадцать минут сделать из него идиота».

Маленькая такая, худенькая. В чем только душа держится...

И вот, пожалуйста.

Муж, к слову, Даньку поддержал. Предатель. Правда, в чем дело, я знаю — муж ненавидит рестораны. А дома у него всегда есть прекрасная возможность свалить. Под уважительным предлогом, конечно. Дескать, к завтраму надо сдать статью. И шмыг к себе. А я мучайся до конца и по полной программе. Раз-

ве это честно? Справедливо разве? Что поде-лаешь, у нас всегда и за все отдуваются тетки. В смысле — женщины. В смысле — слабый пол. Вот это я с иронией. С горькой, кстати. По поводу «слабого пола».

Со вчерашнего дня я стою у плиты. Сын предварительно очень придирчиво обсуждал меню. Как будто он женится на датской принцессе и мы принимаем королевскую чету.

А фамилия у наших свеженьких родственников, между прочим, Ивасюки. Красивая фамилия. А главное — аристократическая. У меня почему-то возникают ассоциации с селедкой иваси — той, что из советского прошлого.

Я, конечно, не права. При чем тут фамилия? Я в девичестве Петракова. А в замужестве — Сергеева. Тоже не Нарышкины и не Понятовские. Но все же смешно — Ивасюки. Мой крайне остроумный муж предложил взять Даниле фамилию жены. Сын обиделся. Обычно он ржет вместе с нами. Мы сделали вывод, что ситуация тяжелая. И тяжело вздохнули — одновременно.

Данька накрывает на стол. Смотрит на просвет бокалы и рюмки.

— О-хо-хо, — вздыхаю я и задумчиво удаляюсь на кухню.

— Холодец застыл? — кричит из комнаты сын. — А заливное?

Я из вредности не отвечаю. Режу соленую семгу.

— Мам, ну оковалки просто! — возмущается он. — Режь элегантней! — приказывает мой мальчик.

— Пошел к черту! — огрызаюсь я. И угрожаю: — Лучше меня не заводи!

Угроза действует, и он, слава богу, смывается.

Слышу гул пылесоса.

Сынок взялся за пылесос?!

«Плохи наши дела», — думаю я.

Все гораздо серьезней, чем мы предполагали.

Ивасюки появляются минута в минуту. Ясное дело: глава семьи — подполковник. Я не успеваю докрасить второй глаз и снять передник. Данька бросает на меня испепеляющий взгляд. Выходит муж. Жмет руки и улыбается. Я точно знаю, о чем он мечтает. Чтобы вся эта канитель закончилась побыстрее. Я злобно на него смотрю и усмехаюсь, побыстрее получится вряд ли. Это я чувствую.

Муж предлагает гостям тапки. Новые, между прочим. Подполковник надевает свои. Жена вытаскивает их из пакета.

— Гигиеничней! — объясняет нам, бестолковым и плохо воспитанным.

Я злюсь, но, по сути, он прав. Ивасючка вытаскивает лаковые туфли. Крутится перед зеркалом. Орошает себя духами. Духи резкие, тяжелые. Меня начинает подташнивать. Нюся с Данькой скрываются в его комнате. Гости про-

ходят в гостиную, она же — столовая. Огляды-
вают комнату.

— Зал у вас большой! — одобрительно ки-
вает Ивасючка.

Кстати, представилась она как Зоя Иванов-
на. Я ответила:

— Лена.

— А по отчеству? — поинтересовалась она.

— Просто Лена, — жестко повторила я.

Ивасюк оказался Валерием Петровичем.
Мой муж, кандидат исторических наук, про-
фессор и заведующий кафедрой, — просто Па-
вел.

— Ну, я так не могу, — расстроилась Зоя
Ивановна. — Мы же еще совсем не близко
знакомы!

«Хотелось бы не ближе», — подумала я. Не-
добрая я. Не снисходительная. Нетерпимая.
Все, что написала про себя выше, обман. Что
плохого сделали мне эти люди? Да, не наше-
го поля ягода — это очевидно. Простоваты и
провинциальны. А что, они виноваты? Всю
жизнь — по гарнизонам. В Москве всего шесть
лет. А напыщенные, так это от смущения.
И что я привязалась к этим тапкам? Вместе с
тапками, между прочим, Ивасючка принесла
собственноручно испеченный сметанный торт.
Говорит — «Дон Кихот». Шутит, наверное.
Или серьезно? Возможно, Дон Кихот и Санчо
Панса для нее слились воедино. В один, так
сказать, образ. Да и ерунда все это, ей-богу!

Кстати, эта Ивасючка довольно хорошенькая. Если бы не травленные соломенные волосы, собранные в «башню», заколотую тряпичным фиолетовым георгином, и очень перламутровая помада. И еще — сиреневые тени на веках. Ну что я к ней привязалась? Тоже мне, столичная цаца. У всех свои представления о прекрасном. Да, но этот костюм с обильным люрексом...

Сели на диван. Муж пытается завести светскую беседу. Я выскальзываю на кухню перекурить. Представляю, что скажут на свадьбе мои подружки. Змеи-интеллектуалки. Острозычные и ироничные московские фифы.

Зоя Ивановна стучит в кухонный косяк.

— Тук-тук, к вам можно?

Видит меня с сигаретой. Глаза полны ужаса.

— Курите? — не верит она своим глазам.

Я вздыхаю и пожимаю плечами — дескать, грешна. Уж не судите строго. Будьте милосердны, наимилейшая Зоя Ивановна.

Она хихикает.

— Я тоже балуюсь. Иногда, — доверительно шепчет она. — Муж, разумеется, не в курсе. У нас полнейший патриархат и домострой, — тяжело вздыхает подполковница. — А у вас? — интересуется она.

Заметно, что этот вопрос ее сильно волнует.

Я пожимаю плечами:

— Нет, у нас партнерский брак. Все на паритетных началах.

— А-а, — разочарованно тянет она.

По-моему, я ее огорчила. Мы выносим тарелки с закуской в комнату. Я предлагаю сесть за стол, видя, что светская беседа у мужа не клеится.

Муж явно растерян, а подполковник вперился в телевизор. Там предвыборные дебаты. У подполковника набухли брыли. Сейчас что-то будет, с ужасом думаю я, понимая, что наши политические воззрения вряд ли совпадут.

Рассаживаемся за стол и зовем детей. Те выходят не сразу — довольно включенные и смущенные. Вижу, как подполковник смотрит на Даньку. Взгляд не обещает ничего хорошего.

Нюся похожа на отца. Выпуклые карие глаза, крупные зубы. Мелкая и тощая, скорее всего, в мать. Правда, сейчас Зоя Ивановна тело нагуляла. Видимо, с возрастом. Что, безусловно, меня радует.

Муж осведомляется, что будут пить гости.

— Беленькую, — бросает подполковник.

— Винца, — смущается его жена.

Он чуть сдвигает густые брови.

У мужа хватает ума не предлагать алкоголь Нюсе. Не слишком сообразительный в подобных вопросах, он, видимо, нутром чувствует, что может вызвать гнев будущего родственника.

Когда Нюся у нас в гостях, она с удовольствием пьет пиво и красное вино. И не отказывается от martinis.

Я начинаю раскладывать по тарелкам закуску.

— Огурчики ваши? — с полным ртом осведомляется подполковник.

— Не-а, — окончательно роняю свой авторитет я. — Соседка угостила.

— А моя все сама, — гордо объявляет он. — По триста баллонов закрывает. Помидоры, огурцы, грибы, варенье, компоты.

Я с уважением и жалостью смотрю на бедную Ивасючку.

Она рдеет под, видимо, не частой мужниной похвалой.

Балагур и острослов Данька молчит, как в воду опущенный.

Нюся тоже помалкивает. Добрейшая Зоя Ивановна нахваливает плоды моего труда. Подполковник важно кивает, соглашается. «Не мои» огурцы он, кажется, с трудом, но пережил. Восстановили мою репутацию холодец и пирог с капустой.

Видно, что подполковник не дурак поест и выпить. Начинает потихоньку «плыть». Перехватываю тревожный взгляд его супруги.

— К делу! — объявляет Ивасюк и откидывается на стуле.

Мы подтягиваемся и выпрямляем спины.

— Свадьба в ресторане, — заявляет он тоном, не терпящим возражений.

Мы с мужем переглядываемся. Данька смотрит в тарелку.